

Татаринцева Елена Александровна

**ПРАВОВЫЕ ЦЕЛИ УСЫНОВЛЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО К РЕАЛИЯМ СОВРЕМЕННОСТИ**

В статье рассматривается законодательная эволюция института усыновления и тех правовых целей, которые преследовало российское государство в своей семейной политике на протяжении длительного исторического периода, начиная с дохристианских времен и заканчивая периодом современности. Постановка законодателем тех или иных целей усыновления подвергается анализу с точки зрения использования его как политического инструмента, с помощью которого государственная власть стремилась укрепить институт семьи, брака, частной собственности как своих фундаментальных основ, защищая интересы усыновителей и одновременно предоставляя средства защиты для тех, кто по той или иной причине лишился родительского попечения. Основой современного законодательства об усыновлении является "детско-ориентированный" процесс, однако эффективность государственной политики в данной области в значительной степени будет зависеть от того, насколько грамотно определены правовые цели и подобраны средства их достижения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 201-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PRAGMATIC RECONSIDERATION OF PHILOSOPHICAL CLASSICS LEGAL HERITAGE

И'ya Pavlovich Tarasov, Ph. D. in Philosophy
Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
iliatarasov@inbox.ru

The author considers classical philosophical law conceptions: Kant-Hegel's idealistic law theory and natural law theory; analyzes the problems which these theories encounter taking into consideration the specificity of jurisprudence modern state and reconsiders the basic points of these conceptions on the basis of pragmatic methodology.

Key words and phrases: moral and law ratio; objective law; natural law philosophy; Kant; Hegel; moral maxim; moral judgement; sense; universality; locality; state will; external and internal freedom.

УДК 34(4414)

В статье рассматривается законодательная эволюция института усыновления и тех правовых целей, которые преследовало российское государство в своей семейной политике на протяжении длительного исторического периода, начиная с дохристианских времен и заканчивая периодом современности. Постановка законодателем тех или иных целей усыновления подвергается анализу с точки зрения использования его как политического инструмента, с помощью которого государственная власть стремилась укрепить институт семьи, брака, частной собственности как своих фундаментальных основ, защищая интересы усыновителей и одновременно предоставляя средства защиты для тех, кто по той или иной причине лишился родительского попечения. Основой современного законодательства об усыновлении является «детско-ориентированный» процесс, однако эффективность государственной политики в данной области в значительной степени будет зависеть от того, насколько грамотно определены правовые цели и подобраны средства их достижения.

Ключевые слова и фразы: эволюция законодательства об усыновлении; правовые цели; усыновление во времена язычества; усыновление в период империи; усыновление потомственными дворянами; усыновление податными сословиями; усыновление незаконнорожденных детей; усыновление в Советской России; усыновление в Российской Федерации.

Елена Александровна Татаринцева, к.ю.н.
Институт дружбы народов Кавказа, филиал в г. Светлогорде
tatarintseva67@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ ЦЕЛИ УСЫНОВЛЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО К РЕАЛИЯМ СОВРЕМЕННОСТИ©**

Правовая политика государства, как и любой управленческий процесс, немислима без постановки определенных целей. При этом эффективность ее в значительной степени зависит от того, насколько грамотно определены правовые цели и подобраны средства их достижения. Особенно верным это представляется в отношении тех институтов, которые касаются наиболее уязвимой части общества - несовершеннолетних детей, которые, по выражению историка XIX столетия А. Невзорова, «заслуживают того, чтобы теория, законодательство и практика отнесли к ним с наивеличайшим вниманием и совершенною предусмотрительностью» [11, с. 4]. В противном случае - «роковые последствия неправильной постановки вопроса и разрешения его скоро скажутся, и жизнь застонет от избытка зла» [Там же, с. 3].

Прямое отношение к правовой защите интересов ребенка всегда имело и имеет усыновление - традиционная, имеющая многовековую историю форма устройства несовершеннолетнего в другую семью, когда кровной не стало или она не выполняла, не в состоянии была выполнить свойственные ей функции [12, с. 150-151]. Сегодня, когда перед российским обществом и государством стоит задача реформирования системы сиротских учреждений, обеспечения приоритета семейного воспитания детей, четкое понимание и определение законодателем целей усыновления является практически значимым для ее решения, ибо позволяет оптимизировать механизм правового регулирования, настроить правовую систему на социально плодотворную работу, становясь одной из важнейших предпосылок дальнейшего прогрессивного развития нашей страны.

Та законодательная эволюция института усыновления, которая происходила на протяжении длительного исторического периода развития российского общества и государства, явилась отражением тех правовых целей, которые преследовало государство, закрепляя общественные отношения, уже сложившиеся в обществе; усыновление всегда являлось тем тонким политическим инструментом, с помощью которого

государственная власть стремилась укрепить институт семьи, брака, частной собственности как своих фундаментальных основ, одновременно предоставляя средства защиты для тех, кто по той или иной причине лишился родительского попечения. Изучая и обобщая богатый исторический опыт правового регулирования института усыновления, сегодня можно сделать определенные выводы о том, насколько совершеннее стало российское законодательство, что осталось прежним, а что было незаслуженно забыто, выброшено «за ненадобностью из арсенала средств защиты ребенка в семье» [Там же, с. 87].

В немногочисленных письменных памятниках X-XI вв. сведений об усыновлении не содержится. В период народной жизни обычай, предшествующий законам письменным, составлял единственный источник права [11, с. 49]. Как считает А. И. Загорюцкий, хотя «для языческого периода сведений нет», однако, «вероятно, усыновляли и в те времена», поскольку «наше крестьянство практикует усыновление часто, а в быту простого народа древние институты находят отголосок» [5, с. 487]. По мнению проф. М. Ф. Владимирского-Буданова, усыновление как «искусственное сыновство», как прием «стороннего в состав семьи» совершалось в России «издревле» [4, с. 461]. В русском обычном праве усыновление совершалось через обряд фиктивного рождения, когда для большей достоверности в некоторых русских местностях на мнимую роженицу одевали рубашку, испачканную кровью; через женитьбу на вдове брата (например, усыновление Святополка Владимировича); через фактический прием усыновляемого в дом; через особый договорный акт между усыновителем и усыновляемым [Там же, с. 462]. Родственный союз являлся основой родового быта славян, и связанные общим происхождением, совместным сожительством и общностью имущества - сначала всего, а потом только недвижимого, родственники представляли из себя плотный и могущественный союз [11, с. 66]. В эпоху летописца Нестора слово «род» означало союз родителей и детей, союз родственный и вообще союз людей, живших на общей земле, под общей властью [17, с. 181]. Одной из форм семейно-родовых союзов у южных и русских славян была «семейная община или задруга» (подразделение деревенской общины), которая образовывалась «путем естественного размножения членов семьи, а извне пополнялась только браком и *усыновлением*» [Там же, с. 183]. В патриархальную семью, которую возглавлял отец семейства, одинаково входили «и дети, и рабы, и принятые в семью (примаки) из чужой семьи» [20, с. 508]. Таким образом, основной целью усыновления во времена язычества было поддержание и расширение рода, поскольку при отсутствии центральной власти безопасное существование было возможно только в роде - семье, которая являлась в то время своего рода государством.

По мере усиления государственной власти начинают издаваться законы, «отчасти почерпающие свое содержание в народных правовоззрениях, отчасти вводящие нововведения, заимствованные из чужих источников» [11, с. 67]. Таким источником для русского законодательства стало византийское право. По мнению К. Победоносцева, в Россию «юридическая идея усыновления перешла в первый раз из греко-римского права и сохранилась в церковной юрисдикции» [16, с. 206]. Для признания усыновления совершался определенный церковный обряд - сыновоторение, который впоследствии применялся в России вплоть до XVIII столетия, и акт усыновления утверждался епархиальным архиереем. Со временем все более отчетливо становится намерение усыновителя иметь наследника, который бы поминал души бездетных супругов, что явилось отголоском древних обычаев славян. Гражданские формы усыновления не было; но из памятников видно, что усыновленный входил в семейство и приобретал наследственные права [Там же]. Таким образом, основным мотивом и целью усыновления было сохранение наследственного имущества семьи, что, прежде всего, отвечало интересам усыновителя, однако это, по мнению А. М. Нечаевой, вовсе не означало, что оно не приносило пользы усыновленным, особенно если они не имели собственной семьи, родителей [12, с. 16].

В период существования Московского государства усыновление как форма устройства осиротевших детей продолжало существовать в прежнем виде. Новых законодательных актов издано не было, за исключением одного предписания, запрещавшего усыновлять своих незаконных детей [Там же, с. 26], родство которых начинает вестись по материнской, а не по отцовской, как это было во времена Русской Правды, линии. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. наложило запрет наследования ребенком, рожденным вне брака, поместий и вотчин его отца, и даже если отец впоследствии женился на матери ребенка, «к законным детям не причитается» [4, с. 461]. Следует отметить, что дальнейшее законодательство, вплоть до начала XX столетия, последовательно проводило линию раздела между законнорожденными и незаконнорожденными детьми, охраняя «святость брака» и существенно сокращая возможности усыновления внебрачных детей своими родителями.

В период царствования Екатерины II не было издано специальных указов, постановлений или каких-либо рекомендаций, касающихся усыновления. Они имели место лишь в единичных, частных случаях. Так, в 1796 г. Екатерина II разрешила двум братьям графам Остерманам усыновить старшего внука их сестры, что послужило началом других усыновлений среди дворянства. Но в каждом конкретном случае требовалось специальное разрешение императрицы.

Гражданские формы усыновления появляются в период правления Александра I, которые, по выражению К. Победоносцева, «были различны, и усыновление совершалось с большей или меньшей легкостью или простотой - по различию сословий» [16, с. 206]. Несмотря на то, что в первой половине XIX столетия классовая структура российского общества начала изменяться и в ней зарождались новые классы - буржуазия и пролетариат, официально все население по-прежнему делилось на четыре сословия: дворянство, духовенство, крестьянство и городские жители, для каждого из которых существовали свои правила усыновления. Крайне жесткие правила усыновления устанавливались, прежде всего, для потомственного дворянства, для

которого усыновление «в собственном, семейственном смысле слова не существовало» [24, с. 69]. Усыновление для них носило характер «исключительно генеалогический», преследуя цель поддержания угасающего рода в высшем сословии. Такое усыновление отличалось от усыновления «чисто семейного», вызываемого стремлением закрепить силою закона существующие между определенными лицами тесные нравственные узы, основанные на кровной или иной связи [Там же]. Оно являлось тем правовым средством, с помощью которого государство стремилось усилить позиции дворян - крупных землевладельцев, надежной опоры российского абсолютизма, поэтому «усыновлению придавалось политическое значение» [Там же].

Указ 11 октября 1803 г. регулировал условия усыновления потомственными дворянами и лицами духовного звания, принадлежащих к потомственному дворянству, не имевших потомков или родственников мужского пола. Целью такого усыновления являлось «возобновление фамилии». При этом Указ налагал строгие ограничения в виде возможности усыновления дворянами только их ближайших законнорожденных родственников, которых могло быть несколько, причем не только сироты, но и лица, имеющие кровных родителей при согласии последних. Для усыновления требовалось Высочайшее разрешение, а для лиц духовных званий - разрешение епархиальных архиереев. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. М. Нечаева, такое усыновление существовало не только для поддержания угасающей фамилии, но и для приобретения ребенком новой семьи [12, с. 57].

Несколько позже появилась целая серия Указов, посвященных усыновлению (16 ноября 1817 года, 19 апреля 1822 года, 20 сентября 1825 года). Все они последовательно соблюдали принцип сословности при усыновлении дворянами, податными сословиями, купцами, лесными сторожами, нижними воинскими чинами и т.д.

Свод законов Российской Империи, изданный в 1832 г., в первой книге X тома «О правах и обязанностях семейственных» в разделе II «О союзе родителей и детей и союзе родственном» главы I отделения III «О детях усыновленных» объединил воедино ранние законодательные акты по вопросу усыновления и те дополнения, изменения, внесение которых диктовалось потребностями времени, еще раз подчеркнув сословный принцип усыновления, выделяя усыновление дворянами и усыновление податными сословиями - городскими и сельскими обывателями. Закон охранял интересы семьи, принадлежащую ей частную собственность [Там же]. Хотя согласно ст. 156 Свода Законов усыновляемый вступал по отношению к усыновителю во все права и обязанности законных детей, существовал целый ряд условий, ограничений, не позволяющих говорить о полном правовом тождестве усыновленного с законнорожденным ребенком усыновителя. Тесная связь усыновления с институтом наследования объясняет существование и целого ряда особенностей правового положения наследника-усыновленного в благоприобретенном имуществе усыновителя с тем, однако, что наследуемое имение усыновителя, не имеющего родных сыновей, а имеющего лишь дочерей, делится между «сими последними поровну». Отсутствие полного тождества в правовом статусе усыновленного сочеталось по Своду Законов Российской Империи с очень важным предписанием: «Усыновленный сохраняет право наследования по закону после своих родителей и их родственников» (ст. 156). Таким образом, родительские правоотношения при усыновлении частично сохранялись.

В отличие от дворянского сословия, усыновление в среде крестьянства, являвшегося самым многочисленным сословием в России, численность которого к середине XIX в. составила более 30 млн. человек, отличалась особой простотой: для него не требовалось ни особого акта, ни совершения каких-либо обрядов; например, в Ярославской губернии усыновление происходило посредством простой передачи усыновляемого его приемному отцу, т.е. «порядком домашним» [15, с. 199]. Согласно ст. 155 Свода Законов для мещан и сельских обывателей усыновление заменялось припискою к семейству. Так, в Ярославской, Ростовской, Воронежской губерниях отец-усыновитель должен был заявить об усыновлении в волостном правлении, и усыновленный записывался в особую книгу; в других губерниях помимо данных условий к усыновителю предъявлялось требование о выделении наравне с его родными сыновьями равной имущественной доли. Законом особо оговаривались условия усыновления мещанами и государственными крестьянами не помнящих родства подкидышей и сирот всех податных состояний, а также помнящих свое родство круглых сирот. Одним из условий их усыновления должно было быть получение усыновителем разрешения сельского общества, при получении согласия которого усыновленный наделялся участком из земель этого общества; в противном случае усыновленный мог претендовать только на земельный участок того семейства, к которому был приписан (ст. 157 Св. зак.). Усыновитель обязывался платить за сирот подати и повинности (ст. 159 Св. зак.).

Усыновленные дети признавались как бы родными «во всех наследственных линиях и не могли быть отчуждаемы от прав, присвоенных общими узаконениями равным степеням родства» [Там же]. Усыновленные назывались приемышами, а усыновители - приемниками или приемными родителями. Права и обязанности усыновленных ничем не отличались от прав и обязанностей приемышей. Усыновленные пользовались всеми теми же правами, какими обладали и родные дети усыновителей, были обязаны содержать своих приемных родителей и платить за них подати. Возможность увеличения сбора налогов и несения повинностей податными сословиями являлось одной из причин, по которой государство предъявляло минимальные требования к условиям, форме и порядку усыновления. Крестьянам разрешалось усыновлять как законнорожденных детей с согласия их родителей, так и незаконнорожденных, независимо от пола; в том числе незаконнорожденного ребенка мог усыновить его родной отец. Последнее обстоятельство особенно примечательно, поскольку для остальных сословий усыновление собственных внебрачных детей стало возможным только после введения в действие Закона от 3 июня 1902 г. «Об улучшении положения незаконнорожденных детей», т.е. только спустя столетие.

Имущественное положение крестьян целиком зависело от соотношения в семье едоков и работников. Семейный участок признавался имуществом нераздельным, а следовательно, не подлежал обычному переходу по наследству. Главный капитал в крестьянском хозяйстве составлял не капитал, имущество, а личный труд [13, с. 379]. Семья, по понятиям крестьян, представляла собой рабочий хозяйственный союз, кровную артель. Поэтому в самой крестьянской среде одной из целей усыновления выступала необходимость приобретения «дополнительной пары рук», т.е. дополнительной рабочей силы, которая, учитывая тяжелый крестьянский труд, была всегда востребована. Правовой основой такого усыновления выступал договор между усыновителем и усыновленным, который в случае спора между ними решался судом. Законодатель при этом стоял на страже интересов как усыновителя, так и усыновленного. Так, если усыновленный уходил от усыновителя, то последний обязан был выдать ему его собственное имущество. При уходе усыновленного из семьи без «уважительных причин», производился выдел его имущества из имущества усыновителя по усмотрению последнего, при условии, что он работал в его семье более или менее продолжительное время. Если усыновитель безосновательно выгонял усыновленного, то права усыновленного защищал суд, который обязывал усыновителя выдать усыновленному имущество, которое усыновитель «обязался предоставить ему по особому условию» или же усыновленный должен был рассчитаться за все прожитое у усыновителя время, будучи в качестве рабочего. Особым условием при усыновлении могло быть «докормить до смерти и воспользоваться за это его имуществом», представляющего аналог современного договора пожизненного содержания с иждивением. В случае спора между усыновителем и усыновленным суд производил раздел имущества. При этом суд освобождал усыновленного от уплаты долгов, сделанных усыновителем, которые были использованы на нужды всей семьи в том случае, если усыновитель требовал уплаты всех долгов только с одного усыновленного.

Таким образом, усыновление, по сути представлявшее собой сделку, преследовало извлечение экономической выгоды, материальные интересы, однако при этом оно служило и средством охраны интересов усыновленных детей, особенно тех, кто принадлежал к числу сирот либо лишившихся родительского попечения. Сугубо материальные цели усыновления вовсе не означали, что при этом отсутствовали соображения личного характера, связанные с усыновлением как способом удовлетворения «естественных чувств любви и привязанности, не находящих исхода за отсутствием собственных детей» [25, с. 497].

Таким образом, государство в начале XIX столетия, в дореформенный период, подвергая усыновление более тщательной и подробной правовой регламентации, проводило последовательную политику защиты имущественных и наследственных прав дворянства, являвшегося опорой самодержавия, предусматривая жесткие ограничения в праве усыновления, закрывая путь в ряды дворянства выходцам других сословий, в т.ч. купечеству и духовенству, и одновременно предоставляя широкие возможности для усыновления в среде податных сословий, с целью поднятия их благосостояния для облегчения сбора налогов в государственную казну.

Вторая половина XIX столетия ознаменовалась отменой крепостного права, бурным подъемом промышленности, торговли, введением всеобщей воинской повинности, изменением социальной структуры и облика сословий, которые представляли собой пережиток феодальной системы отношений и практически себя изжили. Однако социальная направленность внутренней политики российского государства состояла главным образом в усилении позиций дворян, значительно ослабленных общим ходом исторического развития страны. Последствием стремительного развития капитализма в России явился тот факт, что Россия за несколько десятилетий прошла путь, который в Европе занял два столетия [8, с. 270]. Такое экономическое развитие страны не могло не сказаться на проблемах, связанных с устройством детей, которые в этот период приобрели особую остроту. На капиталистических фабриках, основанных на машинной технике, широкое распространение получают жестокие формы эксплуатации детского труда, продолжительность которого в 1897 г. составляла почти 12 часов, а его оплата была на 30-40% ниже, чем оплата труда мужчин [10, с. 144].

Вопросы охраны прав детей, оставшихся без родительского попечения, начинают становиться предметом пристального внимания со стороны государства, поскольку резко возросшее количество сирот могло сказаться на стабильности общественного развития.

Заметной вехой в законодательстве об усыновлении в этот период стал Закон от 12 марта 1891 года «О детях усыновленных и узаконенных». Он был шагом вперед, прежде всего, по вопросам, связанным с охраной прав незаконнорожденных детей, которых стало возможно не только узаконивать, но и усыновлять безотносительно к их сословной принадлежности и вероисповеданию. Усыновителями могли быть все лица всех сословий, за исключением тех, кто обречен был по своему сану на безбрачие (ст. 145). Поскольку сословные права, принадлежащие усыновленному до усыновления, сохранялись прежними, то, по мнению Государственного Совета, «нет практических оснований лишать мещан и сельских обывателей права усыновления лиц, пользующихся правами других состояний, тем более что сии лица могут иногда найти в таком усыновлении не только материальную выгоду, но и нравственную поддержку» [24, с. 66]. Тем самым был открыт путь к сокращению числа сирот и полусирот [12, с. 58]. Вместе с тем этот Закон предусматривал и некоторые ограничения принципа всеобщности, сокращающие возможность усыновления. Так, в ст. 152 данного Закона законодатель предусматривал, что усыновитель может передать усыновленному свою фамилию, если последний не пользуется большими правами состояния сравнительно с усыновителем, что, прежде всего, относилось к потомственным дворянам, передача фамилии которых могла следовать только с Высочайшего соизволения. Тем самым, не ограничивая самого права на усыновление, ограничивалось право на передачу фамилии, которое естественно вытекало из права усыновления. Ограничения

касались и иностранцев, которых ст. 1 Закона о состояниях относил к особому «состоянию» Российской Империи. Иностранцы могли усыновлять только подкидышей и безродных с условием, что они были крещены и воспитывались в православной вере, имели русское подданство и были приписаны к определенному сословию. При этом усыновители-иностранцы сами должны были исповедовать христианство.

Наиболее серьезное ограничение сводилось к тому, что усыновлять разрешено было тем, кто не имел собственных законных или узаконенных детей, за исключением мещан и сельских обывателей. Возможность усыновления зависела также от возраста усыновителя (усыновителями не могли стать лица моложе 30 лет), его религиозной принадлежности (запрещалось усыновление лиц христианского вероисповедания нехристианами, раскольниками, сектантами и т.д.). Эти меры ограничительного характера оправдывались «соображениями нравственного свойства» [24, с. 79]. Интересно и то, что усыновление тех лет связывалось с мотивацией поведения усыновителя, ее делением на несколько категорий. В первую входило усыновление по обещанию, которое считалось самым ценным, так как обещавший усыновить обычно делал все, чтобы усыновленному ребенку, сироте, жилось хорошо. Положительно относились и к усыновлению кормилицами, привязавшимися к нему. И наконец, менее желательным рассматривалось усыновление «за награду». Считалась, что ценность такого акта «не велика» [14, с. 98].

Таким образом, все произошедшее в законодательстве об усыновлении перемены позволили понимать институт усыновления как способ установления родительской власти, как признание «юридического положения законных детей» [25, с. 497]. По мнению М. В. Антокольской, в конце XIX - начале XX в. в регулировании усыновления четко прослеживается взгляд на него как на средство устранения невозможности создания собственной семьи [1, с. 99]. При этом усыновление предпочитали обеспеченные круги населения [12, с. 61]. Институт усыновления конца XIX и начала XX века по-прежнему служил, прежде всего, охране имущественных интересов усыновителя-наследодателя.

В начале XX столетия на государственном уровне начинает происходить осознание необходимости устранения «единственного правооснования союза родителей и детей» - абсолютной власти родителей над последними, которая «ныне постепенно отступает перед новым принципом «блага детей», превращаясь в простое средство его осуществления. При этом «новейшее законодательство не останавливается даже перед ограничением и лишением родителя его власти, не освобождая его в то же время от возложенной на него обязанности содержания и воспитания своих детей» [6, с. 310]. Реальным воплощением нового принципа стал Закон от 3 июня 1902 г. «Об улучшении положения незаконнорожденных детей», который признал юридическую связь между внебрачными детьми и их родителями и предусмотрел возможность усыновления собственных внебрачных детей, для чего требовалось не только состояние в браке его родителей, но и специальное постановление судебной власти. Такой тип усыновления, наряду с узаконением внебрачных детей, относился законодателем к промежуточному между естественным и искусственным способам возникновения союза родителей и детей [Там же, с. 311].

К искусственным отношениям, создаваемым путем особого юридического акта, относилось усыновление между лицами, не связанными происхождением одно от другого, влекущее возникновение отношений, аналогичных отношениям родителей и детей [Там же].

Поскольку отношения при усыновлении приравнивались к отношениям, возникшим из естественного союза родителей и детей, на них полностью распространялись и те цели, которые ставило государство при проведении своей семейной политики в начале XX столетия: возложение на родителей обязанности «общественной необходимости вскармливания и подготовки к общепольной деятельности подрастающего поколения» [Там же, с. 309].

Помощь государству в решении непростой задачи содействия усыновлению в этот период начинает активно оказываться органами местного самоуправления - губернскими земствами, считавшими, что «усыновленный, сделавшись членом семьи, окажется совершенно устроенным на всю жизнь; актом усыновления он получает и семью, и родину и совершенно сливается с коренным населением данной местности» [7, с. 146]. Система патронажа в большинстве губернских земств и городов России была поставлена неудовлетворительно. Особенно тяжела была участь подкидышей, отдаваемых приютами на воспитание в деревню за плату. Так, в отчете Воронежскому губернскому земству сообщалось: «Даровой батрак в нищей семье воспитателя, не знающий ни грамоты, ни ремесла и чуждый сельского общества, в котором он принужден был жить, питомец являлся жалким пролетарием» [Там же, с. 135]. В отчете Одесского городского приюта за 1912 г. говорилось: «Всего лучше, если питомец усыновляется; тогда он находит себе семью и ласку, столь необходимую для ребенка» [Там же, с. 136].

Рассматривая усыновление как «способ ослабления вредных сторон системы патронажа», критики данной формы воспитания указывали, что усыновление является мерою борьбы лишь «с устранимыми отрицательными сторонами патронажа», такими, например, как недобросовестность воспитателей, в его же «неустранимых вредных влияниях» - понижении рождаемости населения, занимающегося «питомническим промыслом», усилении детской заболеваемости и смертности, «физическом вырождении и нравственном развращении обывателей», усыновление «никакого значения, никаких последствий иметь не может» [Там же, с. 147]. И тем не менее поощрение усыновления губернскими земствами способствовало тому, что «малороссийское деревенское население охотно берет земских питомцев в дети» [Там же]. С 1909 по 1912 г. Воронежское Губернское Земство «роздало в усыновление и на бесплатное воспитание» 847 детей, тем самым наметив «новый путь в деле призрения» [Там же, с. 148]. Несмотря на то, что встречались случаи

возвращения усыновленных детей, существовал риск использования их в качестве бесплатной рабочей силы, тем не менее признавалось, что «отдача детей на усыновление является не только желательной, но и необходимой, если принять во внимание жалкую участь призываемых детей или детей совершенно одиноких и бездомных» [Там же, с. 151].

Оценивая в целом развитие института усыновления к концу XIX - началу XX столетий, следует отметить преемственность и последовательность законодательной политики в постановке и достижении его целей, имевших под собой твердую историческую эволюционную основу; произошедшие преобразования, по выражению графа Л. Н. Толстого, не разорвали связи с прошедшим и, удерживая все, что было в нем хорошего, не уничтожили его, а развивали и совершенствовали сообразно с духом времени и с потребностями общества [11, с. 5].

Первая мировая война принесла детскому населению России физические и нравственные страдания, разрушение семей, гибель родителей, голод и нищету в огромных масштабах. Вновь созданное Советское государство, возникшее в результате Октябрьской революции 1917 г., зиждилось на идеологических постулатах идей марксизма-ленинизма о праве и государстве, отрицающая преемственность с предшествующими типами права, и прежде всего с дореволюционным русским правом. Первые декреты Советской власти показывали, что партия и пролетариат намерены создать свое принципиально иное право [23, с. 235]. По этой причине наряду со старыми, действительно реакционными, правовыми положениями были отброшены те институты, процедуры, структуры, которые, несомненно, принесли бы пользу народу. Это выразилось, в частности, в том, что принятый 22 октября 1918 года первый отдельный кодифицированный семейно-правовой акт - Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (далее - Кодекс 1918 г.) [21] не предусматривал института усыновления. Это обстоятельство объяснялось тем, что теперь в основу семейного права было положено действительное происхождение. Кроме того, считалось, что усыновление «открывает» путь для эксплуатации труда малолетних - особенно в деревне. Немаловажную роль в отрицании усыновления сыграла и отмена в 1918 году наследования. Тем самым усложнялась проблема устройства детей, оставшихся без родителей, сокращались и без того скромные возможности их передачи в другую семью, вызванные искренним желанием помочь ребенку [12, с. 87].

На фоне экономической разрухи, поразившей весь хозяйственный механизм Советской России, деклассирование пролетариата, считавшегося социальной опорой новой власти, безотцовщина, гибель людей, распад семьи и родственных связей вызвали небывалое распространение детской беспризорности (до 7 млн. к 1922 г.), что стало еще одним источником роста преступности, нищенства, одичания и озверения людей [9, с. 205].

Значительное уменьшение численности населения вследствие отторжения от России ряда территорий, демографических катастроф периода войн, политики ликвидации эксплуататорских классов, эмиграции, голода 1921-1922 гг. и др. причин привели во второй половине 1920-х гг. к небывалому для всей российской и советской истории естественному приросту населения, достигшему 3 млн. чел. - «демографическому взрыву», характерному для аграрных стран, находящихся на ранней стадии модернизации. Появление большого количества малолетних детей в крестьянском хозяйстве, имущественное положение которого зависело от количества работников, явилось для него дестабилизирующим фактором. Сложившаяся демографическая ситуация в деревне стала дополнительным источником социальной напряженности [Там же, с. 263]. Попытка государства создать как бы совершенно новое семейное законодательство, предав забвению традиционные рычаги воздействия на семейные отношения, не могла привести к желаемому результату, и Декретом ЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1926 года «Об изменении Кодекса Законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», буквально накануне принятия Семейного кодекса 1926 года, институт усыновления был восстановлен [22]. Отдельная глава, посвященная усыновлению, включала основополагающие, принципиально важные вопросы усыновления, предназначенного только для малолетних и несовершеннолетних. Однако закон запрещал выступать в качестве усыновителей не только несовершеннолетним и лицам, лишенным родительских прав по суду, но и лишенным избирательных прав, а также тем, чьи интересы были противоположны интересам несовершеннолетнего, и лицам, находившимся с ребенком во враждебных отношениях. Таким образом, в основу законодательного регулирования усыновления был положен примат классового содержания и революционной целесообразности.

В период Великой Отечественной войны был принят Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1943 года «Об усыновлении» [19, с. 234], появление которого объяснялось тем, что возникла острая необходимость в создании более широких предпосылок наиболее надежного устройства осиротевших детей в семью к лицам, полностью заменявшим родителей, то есть усыновителям [12, с. 103].

Поскольку масштабы сиротства после войны не поддавались измерению (только по официальным данным в России насчитывалось 678 тыс. детей, оставшихся без родителей), в первые послевоенные годы нужды осиротевших детей по-прежнему находились в сфере особого интереса государства [Там же, с. 138]. Однако упор был сделан не на семейное воспитание ребенка, а на помещение беспризорных и безнадзорных детей в детские дома и школы-интернаты, что объяснялось не только стремлением предотвратить детскую беспризорность. По-прежнему в его основе лежала идея о передаче всех детей на полное государственное попечение, хотя, как отмечает А. М. Нечаева, она уже начинала казаться сомнительной [Там же, с. 142].

В период 60-90-х гг. XX в. государство продолжило линию не на укрепление семьи, а на более широкий охват их детскими учреждениями. К концу XX столетия плачевный результат этой политики стал очевиден: усилились процессы отторжения детей от семьи, родителей, росло отчуждение между старшим и младшим

поколениями, родительский авторитет ослабевал, чувство родительской ответственности за своих детей превратилось в обременительное и ненужное качество, дети стали рассматриваться как «обуза».

Принятие Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. стало шагом вперед по пути более последовательной защиты несовершеннолетнего, оставшегося без родительского попечения, поскольку КоБС подверг более подробной правовой регламентации отношения по усыновлению. Тем самым государство как бы одобрило эту форму правовой защиты нуждающихся в том детей, которая с каждым годом по разным причинам использовалась все чаще и чаще [Там же, с. 151].

Ратификация СССР Конвенции ООН «О правах ребенка» [3] и принятие Закона СССР от 22 мая 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР по вопросам, касающимся женщин, семьи и детства» [2] свидетельствовали о необходимости кардинально иного отношения к защите прав ребенка, который отныне становился самостоятельным субъектом права и носителем лишь ему принадлежащих прав. Точкой отсчета в семейной политике российского государства должен был стать ребенок, а основной политической линией - наилучшее обеспечение его прав и интересов. Однако стремительный переход на рыночные рельсы экономики России в конце XX - начале XXI столетий привлек к резкому падению уровня материальной обеспеченности значительной части населения, резкой дифференциации его различных слоев, что способствовало разрушению института семьи, проявившемуся в массовом отказе родителей от исполнения своих родительских обязанностей, пренебрежении своими родительскими правами. Неблагополучная семья, жестокое обращение с ребенком стали типичными явлениями современной России, а масштабы детской беспризорности и безнадзорности превысили послевоенные, составив в 1999 г. от одного до четырех миллионов [12, с. 186]. Такова оказалась цена экономических реформ, не позволившая стать усыновлению по-настоящему «детско-ориентированным процессом».

Принципиально важным событием конца XX столетия стало принятие в 1995 г. в Российской Федерации нового Семейного кодекса, где в отношении усыновления были произведены существенные изменения, что объяснялось многими причинами. Среди них А. М. Нечаева выделяет стремление государства укрепить правовые предпосылки усыновления, исключаяющие его отмену; желание более последовательно защищать интересы усыновляемого; необходимость поставить правовую преграду на пути злоупотребления усыновлением ради достижения неблагоприятных и даже преступных целей [Там же, с. 236]. Усыновление впервые за всю историю семейного законодательства России было закреплено в качестве приоритетной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Таким образом, по мысли законодателя, эта форма должна была наилучшим образом удовлетворять интересы ребенка в семье. Другое дело - практика его применения. В результате принятия СК РФ очевидно стала проявляться негативная тенденция по снижению количества усыновленных детей: из-за установления судебного порядка усыновления на одну треть сократилось усыновление отчимами и мачехами, которое составляло более 60% от общего числа всех усыновлений; из-за ужесточения порядка и условий усыновления, резкого снижения материального уровня жизни населения, ухудшения показателей здоровья новорожденных и малолетних детей привлекательность этой формы семейного устройства несовершеннолетних значительно снизилась. Принятие Федерального Закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», отдавшего приоритет в социальном и материальном стимулировании приемным и опекунам семьям, окончательно сделало усыновление непривлекательной формой устройства детей в семью, лишая возможности несовершеннолетних избавиться от статуса сироты.

Неблагоприятные тенденции в усыновлении на национальном уровне проявились в повышении интереса к усыновлению российских детей иностранными гражданами, количество которых в 2004 г. впервые превысило уровень усыновления внутри страны, создав угрозу национальной безопасности России, находящейся в тяжелом демографическом кризисе.

Сегодня ситуация в этой сфере по-прежнему далека от идеальной, а следовательно, существует серьезная проблема защиты прав ребенка в случае международного усыновления, поскольку здесь процесс усыновления может быть по-прежнему использован для приоритетного удовлетворения потребностей совершеннолетних лиц, без надлежащего учета интересов детей, нуждающихся в семейном устройстве.

Таким образом, современные изменения в российском семейном законодательстве, касающиеся усыновления, сегодня не отвечают требованиям приоритетности данной формы семейного устройства; имеющиеся правовые нормы не стимулируют развитие усыновления, а следовательно, имеются все основания опасаться, что глубокий смысл усыновления, который вкладывался в него еще нашими предками, может быть утрачен, а следовательно, поставленные сегодня российским государством цели по сохранению главного богатства нации - детей, которые должны «расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания», не будут достигнуты [19].

Список литературы

1. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 23. Ст. 422.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 995.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд-е 7-е. Петроград-Киев, 1915.
5. Загоровский А. И. Курс семейного права. Одесса, 1909.
6. Законы гражданские: практический и теоретический комментарий / под ред. А. Э. Вормса, В. Б. Ельшевича. М., 1913. Т. X. Ч. I.

7. **Залеский В. Ф.** Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань, 1916.
8. **История России:** учеб. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2007.
9. **История России: XX век** / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. М.: АСТ, 2001.
10. **Мунчаев Ш. М., Устинов В. М.** История России: учеб. для вузов. Изд-е 4-е, перераб. и доп. М.: Норма, 2007.
11. **Невзоров А.** Опекa над несовершеннолетними: исторический очерк института и положение его в действующем русском законодательстве. Ревель, 1892.
12. **Нечаева А. М.** Россия и ее дети: ребенок, закон, государство. М.: ИП РАН, 2000.
13. **Оршанский И. Г.** Исследования по русскому праву семейному и наследственному. СПб., 1877.
14. **Ошанин М. О.** О призрении покинутых детей. Ярославль, 1912.
15. **Пахман С. В.** Обычное гражданское право в России: юридические очерки. СПб., 1879. Т. II. Семейные права, наследство и опека.
16. **Победоносцев К.** Курс гражданского права. СПб., 1896. Ч. II. Права семейственные, наследственные и завещательные.
17. **Самоковасов Д. Я.** Курс истории русского права. Изд-е 3-е, испр. и доп. М., 1908.
18. **Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938-1944 гг.** М., 1945.
19. **Сборник международных договоров СССР.** М., 1993. Вып. XLVI.
20. **Сергеевич В.** Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.
21. **СУ РСФСР.** 1918. № 76. Ст. 818.
22. **СУ РСФСР.** 1926. № 13. Ст. 101.
23. **Теория государства и права:** учебник / под ред. В. К. Бабаева. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2007.
24. **Узаконение и усыновление детей** / сост. К. Шматков. СПб., 1894.
25. **Шершеневич Г. Ф.** Учебник русского гражданского права. Казань, 1894.

ADOPTION LEGAL PURPOSES IN THE RUSSIAN STATE FAMILY POLICY: FROM HISTORICAL PAST TO MODERNITY REALITIES

Elena Aleksandrovna Tatarintseva, Ph. D. in Law
Institute of Caucasian Peoples' Friendship (Branch) in Svetlogradsk
tatarintseva67@mail.ru

The author considers the legislative evolution of adoption institution and those legal goals which the Russian state pursued in its family policy during the long historical period starting from the pre-Christian times and finishing with modernity period. Setting these or those adoption goals by a legislator is analyzed from the point of view of using them as the political instrument with the help of which state power tended to strengthen the institutions of family, marriage and private property as its fundamental bases protecting adoptive parents' interests and at the same time providing protection means for those who lost parental care for some reason or other. The basis of the modern adoption legislation is the "children-oriented" process but state policy efficiency in this sphere will largely depend on how competently legal goals are determined and means of their achieving are chosen.

Key words and phrases: adoption legislation evolution; legal goals; adoption during paganism period; adoption during empire period; adoption by gentlemen by birth; adoption by poll-tax paying estates; illegitimate children adoption; adoption in soviet Russia; adoption in the Russian Federation.

УДК 347.464

В статье рассматриваются правила выкупа и определения выкупной цены ренты, действующие для всех видов рентного договора. Сделан вывод, что основным фактором определения выкупной цены ренты является условие договора, определяющее, как передано имущество под выплату ренты - бесплатно или за деньги.

Ключевые слова и фразы: договор ренты; постоянная рента; прекращения обязательств по выплате ренты; выкуп ренты; выкупная цена.

Кристина Григорьевна Токарева, к.ю.н., доцент
Кафедра гражданского права и процесса
Институт экономики, управления и права (г. Казань), филиал в г. Набережные Челны
TKG81@mail.ru

ВЫКУПНАЯ ЦЕНА РЕНТЫ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ©

На отношения постоянной ренты распространяются общие правила о прекращении обязательств, изменении и расторжении договоров, за исключением прекращения обязательств исполнением, предусмотренного ст. 408 ГК РФ [1]. В то же время законодательством установлен еще один способ прекращения обязательств по выплате ренты - выкуп ренты. Плательщик постоянной ренты вправе выкупить ренту и таким путем прекратить дальнейшую выплату рентных платежей.